

Кристиан Лупа запудрил убийство

«Калькверк» на фестивале в Петербурге

Коммерсантъ. - 2003 - 22 окт. - с. 21.

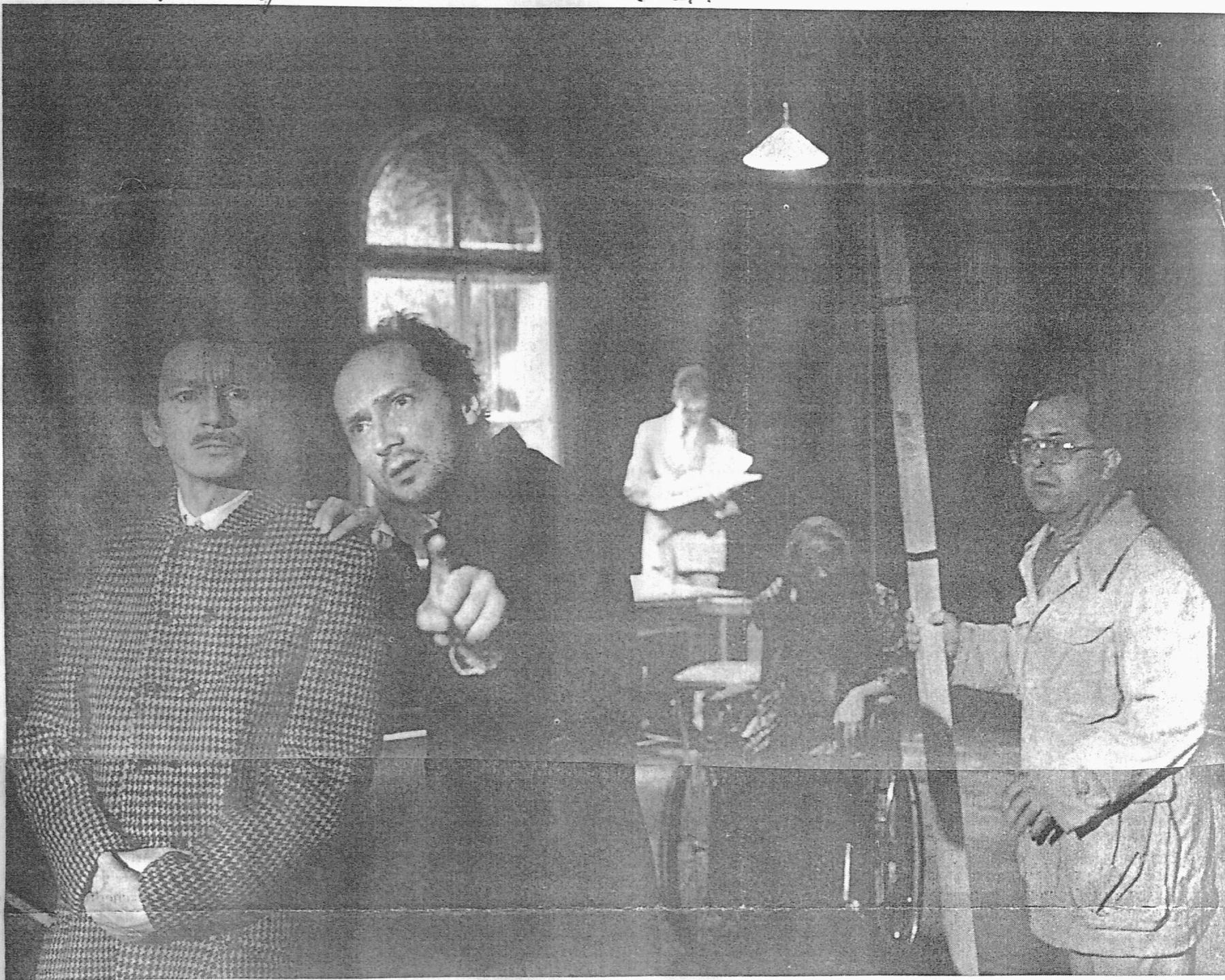
фестиваль театр

В Санкт-Петербурге продолжается 12-й Фестиваль Союза театров Европы. Одним из долгожданных его событий стал приезд прославленного Старого театра из Кракова со спектаклем «Калькверк» в постановке самого знаменитого из современных польских театральных режиссеров Кристиана Лупы. Рассказывает РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ.

Кристиан Лупа известен тем, что редко ставит пьесы. Он предпочитает работать с прозаическими текстами. Причем из всех прозаиков мира чаще всего господин Лупа выбирает классика австрийской литературы прошлого века Томаса Бернхарда. Тот, кстати, написал немало пьес, но польский режиссер берется именно за его романы. Кристиан Лупа напряженно ищет театральные эквиваленты вязкой, замороченной прозы австрийца. Спектакли господин Лупа обычно ставит длинные, медленные, об интересах публики не думает, так что просмотр их трудно рекомендовать кому-либо в качестве развлечения. Но продвинутая публика европейских театральных фестивалей непростое искусство польского мастера уважает. Кристиан Лупу любовно прозвали «эксцентрическим занудой» и уже совсем скоро внесут в пантеон живых классиков мирового театра.

Есть крупные режиссеры, которых очень просто схватить за руку и описать — они по ходу действия так часто и настойчиво напоминают зрителю о своем существовании, что от мелькания этой самой режиссерской «руки» просто в глазах рябит. Но есть такие избранные мастера, которых караулишь все время, что идет спектакль, дабы зафиксировать режиссерский прием — и не получается. Вроде бы ничего особенного не происходит, и выглядит сцена довольно обыденно, и никаких эффектов. Между тем пока ты сидишь в своей критической засаде, спектакль заманивает, а потом постепенно и бесповоротно затягивает в какую-то воронку. Из исходного «ничего особенного» рождается магическая театральная ткань. Вот так и Кристиан Лупа.

Спектакль «Калькверк» начинается с криминальной развязки: некий странный ученый по имени Конрад, живущий на заброшенной фабрике, убил свою жену, парализованную калеку. Полиция должна

Безумный ученый Конрад (второй слева) держит в напряжении не только героев «Калькверка», но и весь зрительный зал

расследовать мотивы преступления, и весь спектакль в ретроспективе показывает взаимоотношения Конрада с женой. Все три действия декорация (Кристиан Лупа сам оформил спектакль) практически не меняется: темное, затхлое помещение со старой, расшатанной мебелью, парой дверей и окном. Но геометрию пространства задает не бытовой хлам, а огромный куб из тонких белых труб, выстроенный посреди сцены. Правда, стены выгородки невысоки, и когда за ними в глубине сцены брезжит свет, комната становится очень похожа на загон.

В этом габлом, тронутом тленом месте бесится, страдает и сходит с ума герой Бернхарда. Конрад пишет научное ис-

следование о слухах, вернее, не пишет, а только готовится написать. Прикованная к коляске жена называет его шутком, сам же Конрад то и дело ставит над ней разные психологические эксперименты неясного содержания: заставляет повторять разные слова, устраивает допросы. Героя можно считать садистом, можно — мучеником идеи. Происходящее с Конрадом подчас выводит действие спектакля вообще на грань психической патологии. А причина мучений героя состоит в том, что он не справляется с собственными идеями, не может написать то самое исследование, которому якобы посвящает всю свою жизнь. То есть не может воплотиться. В одной из сцен Конрад видит

кошмарный сон: как приходит преобразившаяся жена в красном платье и сжигает в тазу уже написанные страницы. Это платье — единственное яркое пятно тяжелого польского спектакля, который весь похож на серый дурной сон, после которого мутно и сумрачно на душе.

Спустя день после просмотра «Калькверка» толком уже не восстановить в памяти последовательность сцен и не вспомнить, что же именно заставляло тебя без малого четыре часа завороченно смотреть на сцену. (И это при том, что играл Старый театр на огромной сцене питерского «Балтийского дома», где спектакль отчасти потерялся, и сам режиссер устроил актерам разнос за то, что, по его мне-

нию, работали они формально и слишком механически.) Кристиан Лупа не организует никаких эмоциональных кульминаций действия — только меняет беспокойные ритмы музыки, только разделяет эпизоды тихими провалами сцены во тьму, только просит актеров работать подробно и собранно. Наверное, дело все-таки в отличных актерских талантах Старого театра, прежде всего в Анджее Худзяке и Малгожате Хаевской-Кшиштофик, играющих Конрада и его жену.

Их игра, с одной стороны, соответствует общей заторможенности и заболоченности действия, а с другой — перенасыщена достоверными физическими подробностями. То ли они просто суперпрофессионалы, то ли заворочены и заморочены

Кристианом Лупой до такой степени, что внутренняя их убежденность в достоверности происходящего передается через рампу. Режиссер идет до конца, ни на минуту не уступая правилам театра, толком не разъясняя ничего в сюжете, одной неясностью перебивая другую. Даже о конкретных мотивах единственного события — убийства — остается только догадываться. Более того, самой ценной убийства режиссер тоже не вознаграждает зрителя за долготерпение. Просто героиня долго, обильно и иступленно пудрится, пуская в зрительный зал ароматное белое облако. Кажется, в этой взвеси и растворяется весь загадочный спектакль Кристиана Лупы, точно его не было вовсе.